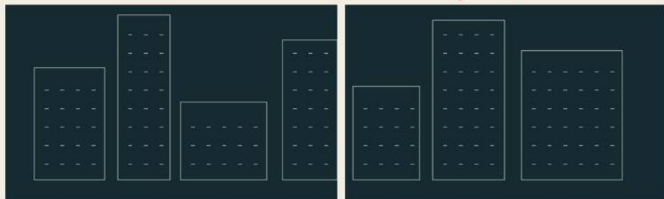

СКАЙ ДЖЕВС

ЧЕЛОВЕК ЗА ОКНОМ

У этой записи есть отправитель.

ЗАПИСЬ 01 / 01:42

ЗДЕСЬ НИЧЕГО НЕТ
КНИГА ПЕРВАЯ

Скай Джевс

Человек за окном

<https://litres.ru/74678269>

SelfPub; 2026

Аннотация

Камеру вернули через сорок минут после продажи. Внутри была запись свадьбы, которая начнётся только вечером. А за окном четырнадцатого этажа стоял продавец.

Марк хотел заработать на переезд. Нил — проверить, как работает невозможное. Вместо этого им достаются чужие версии знакомых людей, собака, которая не помещается в гараже, и голос из камеры, слишком хорошо знающий, чего они боятся.

Записи не обязательно лгут. Достаточно показать их в нужном порядке.

Теперь друзьям предстоит понять, кто режиссирует их жизнь, чему можно верить и сколько стоит попытка всё исправить без чужого согласия.

Приключенческая фантастика с чёрным юмором, аномалиями и загадками. Первая книга цикла «Здесь ничего нет». Основная история завершена.

Содержание

Глава 1. Человек за окном	4
Глава 2. Правильный ответ	17
Глава 3. Место для Климова	27
Глава 4. Второй прибор	36
Глава 5. Цена неизвестного	44
Глава 6. То, чего здесь не было	52
Глава 7. Горизонт	60
Глава 8. Собака не помещается	67
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Человек за окном

Глава 1. Человек за окном

Камеру вернули через сорок минут после продажи.

Нил поставил её на прилавок, рядом с коробкой батареек, и выложил сверху чек.

Марк посмотрел на чек. Потом на Нила.

— Ты зачем ей чек дал?

— Она попросила.

— У нас нет чеков.

— Теперь есть.

На оторванном листке из тетради было написано: «Камера. 3500. Работает». Под словом «работает» Нил поставил подпись Марка. Получилось лучше, чем у самого Марка.

— Это юридически ничтожная бумага.

— Ей не понравилось видео.

Марк отложил телефон. На экране осталось объявление о комнате: двенадцать квадратных метров, окно во двор, до метро пешком двадцать минут. На фотографиях кровать стояла так близко к плите, что завтракать можно было не просыпаясь. Но это был другой город.

— Я предупреждал: камера старая. Не будет тебе киношной картинки за три тысячи.

— Три пятьсот.

— Отлично. Ты уже на моей стороне.

Нил открыл боковой экран.

Внутри камеры что-то щёлкнуло, хотя аккумулятор Марк вынул ещё перед продажей. Он успел вспомнить об этом и тут же найти объяснение: маленькая внутренняя батарея. Иногда они держались десятилетиями. У деда в шкафу лежал калькулятор, который пережил завод-изготовитель.

На экране появился свадебный зал.

Женщина в светлом платье смеялась, зажимая рот ладонью. Мужчина рядом с ней встал, поднял бокал. На стене за его спиной светилась розовая надпись: «АНЯ + РОМА».

— Звук нормальный, — сказал Марк.

— Посмотри в окно.

За длинным столом люди поворачивались к жениху. Кто-то потянулся за хлебом. Ребёнок залез под скатерть.

За окном стоял Марк.

Он был в чёрном костюме и белых кроссовках. Левую руку держал выше головы, за что-то цепляясь. Правая лежала на стекле.

Марк наклонился к экрану.

— Это откуда?

— Из камеры.

— Спасибо. А точнее?

Его двойник за окном посмотрел в зал и постучал по стеклу.

Тост продолжался. Жених говорил про то, как шесть лет

назад у него сломался автобус и Аня оказалась единственным пассажиром, который не потребовал вернуть деньги.

Марк на записи открыл рот. Камера не поймала слов.

— Это вчера? — спросил настоящий Марк.

— Сегодня вечером. Свадьба ещё не началась.

Он протянул руку к кнопке перемотки. Нил придержал его за запястье.

— Досмотри.

Камера повернулась к окну. Между Марком и полом зала не было ничего. Внизу виднелись крошечные машины на стоянке.

На четырнадцатом этаже ветер трепал его пиджак.

Женщина за камерой тихо сказала:

— Только не снимай его лицо.

Изображение оборвалось.

В маленьком экране отразились они оба. Марк стоял, наклонив голову, как человек, который разглядывает мелкий шрифт на неожиданном счёте. Нил смотрел на него.

— Ты это сделал?

— Нет.

— Нил.

— Я бы не придумал тебе такие кроссовки.

Кроссовки действительно были уродливые. Широкие, белые, с красными петлями на пятках. Марк вспомнил, что видел похожие в торговом центре, и сразу разозлился: мозг за чем-то начал подтверждать остальную запись.

Он закрыл экран.

— Где покупательница?

— На улице.

— Она это видела?

— Потому и вернула.

Марк взял чек, расправил на прилавке.

— Пригласи.

Нил не двинулся.

— Только деньги ей верни.

— Я собирался.

Нил посмотрел на телефон с объявлением о комнате.

Марк перевернул телефон экраном вниз.

* * *

Покупательница вошла с картонным подносом на четыре кофе. Два стакана были пустые. Она поставила их между паяльником и банкой с винтами, достала телефон и отключила входящий вызов.

— Аня? — спросил Марк.

— Да.

Он кивнул на погасший экран камеры.

— У вас сегодня свадьба?

— Через три часа. А вы у меня за окном.

Вблизи она выглядела старше, чем на записи. Или просто устала сильнее. На шее висела сантиметровая лента, к рукаву

прилип кусочек белой нитки.

Марк открыл кассу. Из выручки за день там лежали её деньги и двести рублей, которые утром принесла соседка за новый шнур к чайнику.

Он отсчитал три тысячи пятьсот.

Аня посмотрела на купюры.

— Мне камера нужна.

— Эта неисправна.

— Час назад была проверенная японская механика.

— Ситуация изменилась.

Телефон на подносе завибрировал. Аня прочитала сообщение и закрыла глаза.

— У меня оператор заболел. Второй согласился, но у него съёмка до шести. Других я не нашла. Рома сказал, что снимет племянник на телефон. Ромин племянник вчера снял на телефон, как он ест губку.

Нил взял один из пустых стаканов, заглянул внутрь и поставил обратно.

— А почему именно эта камера?

— Рома любит старые записи. У него от родителей осталась кассета. Хотела сюрприз.

Она провела пальцем по серебристому корпусу.

— Можно другую? Которая не показывает людей за окном.

Марк посмотрел на полки. Две камеры без объективов. Один фотоаппарат, который дед запрещал трогать. Детская

видеоняня, исправная только в том смысле, что периодически шипела.

— Я найду, — сказал он.

Нил поднял глаза.

— За три часа? — спросила Аня.

— За два.

Она забрала деньги и половину подноса. Перед выходом остановилась.

— Вы там по стеклу стучите. Мне надо кого-нибудь предупредить?

Марк почти улыбнулся.

— Скорее всего, это просто чужая запись.

— С моим женихом?

Он не ответил.

Аня вытащила из кармана визитку и положила на кассу.

«Анастасия Соколова. Организация мероприятий».

На обороте от руки было написано: «Аня». Под ним — номер телефона.

— Только не пропадайте. Я обычно с другой стороны таких разговоров.

Когда дверь закрылась, Нил взял визитку.

— Нашёл другую камеру?

— У тебя есть?

— Нет.

— Тогда пока не нашёл.

Марк перевернул табличку на двери на «Перерыв».

Потом перевернул обратно. Если дед увидит закрытую мастерскую через соседскую камеру, придётся объяснять.

— Ты когда-нибудь был в этом зале? — спросил он.

Нил уже подключал камеру к монитору.

— В «Панораме». В прошлом месяце собирал там сцену.

— Свадьба чья?

— Выпускной стоматологов.

— То есть доступ к залу у тебя был.

Нил разложил провода отдельно, чтобы не тянуть узлом.

— И к стоматологам тоже. Вдруг они участвуют.

— Я пытаюсь разобраться.

— Ты пытаешься сделать так, чтобы это оказался я.

Марк хотел ответить, но Нил нашёл нужный переходник, и на мониторе появился банкетный зал.

Картинка была хуже, чем на маленьком экране. По краям тянулись зелёные полосы. Под потолком висели бумажные шары. На столе лежала карточка с фамилией гостя.

— Стоп, — сказал Марк.

Они приблизили изображение насколько позволял старый монитор.

«Климов».

Его фамилия. Но за стулом никого не было.

Нил отмотал к началу.

Запись длилась одну минуту сорок две секунды. Первые кадры показывали пустой стул. Потом жениха. Потом Марка за окном. Дату в углу камера выводила сегодняшнюю. Время — 19:42.

Настенные часы в зале показывали без пяти восемь.

— У них часы спешат, — сказал Нил.

— Или на камере время неправильное.

— Тогда дата тоже может быть.

Марк кивнул. Это ему понравилось. Он достал телефон, открыл поиск по изображению и сфотографировал экран.

Телефон нашёл ресторан в другом городе и сайт аренды свадебных арок.

За стеной загудела дрель. Сверху, в квартире Марка, кто-то прошёл по полу.

Они оба подняли головы.

— У тебя кто-то есть? — спросил Нил.

— Вера Семёновна. Фикус поливает.

— Ты уезжаешь?

— Он и пока я здесь помирает.

Нил посмотрел на перевёрнутый телефон, но ничего не сказал.

На мониторе жених в третий раз начал историю про автобус.

Марк убрал звук.

Он помнил эту камеру. Утром она стояла на полке с други-

ми аппаратами, которые дед привёз весной со склада закрывшегося учебного центра. На коробке было написано «видео-наблюдение», но внутри нашлись ещё микрофон, три калькулятора и игрушечный руль. Камера не включалась. Марк почистил контакты, заменил пружину в крышке кассетного отсека и поставил донорскую плату питания.

После ремонта на экране появился стул. Пустой, в плохо освещённой комнате.

Марк решил, что это старая запись.

— Кассету вытащи, — сказал Нил.

Марк нажал кнопку. Отсек выехал с таким скрипом, будто его вскрывали после кораблекрушения.

Внутри ничего не было.

За стеной дрель смолкла.

На мониторе жених продолжал говорить, беззвучно улыбаясь.

Марк посмотрел в пустой отсек. Потом осторожно закрыл его.

— Память внутри, — сказал он.

Нил не стал спорить. Подвинул ему отвёртку.

* * *

Через двадцать минут камера лежала на прилавке без половины корпуса.

Встроенной памяти в ней не нашлось. По крайней мере,

достаточно большой для свадебного видео. Марк сфотографировал платы, отправил снимки знакомому ремонтнику и получил ответ: «Долбаный динозавр. Зачем полез?»

Он написал: «Спорим».

Знакомый прислал номер детали и пожелание найти нормальную работу.

Марк сверил маркировку. Всё совпало.

— Трансляция, — сказал он.

— Откуда?

— Сейчас узнаем.

Они отключили в мастерской роутер. Потом Нил вынес оба телефона на улицу и попросил Веру Семёновну постоять с ними у двери.

Жених продолжал рассказывать про автобус.

Марк вынул аккумулятор, отсоединил питание и подождал.

Экран погас.

Это принесло неожиданное облегчение.

Он посидел немного, прислушиваясь к обычному шуму улицы. По тротуару волокли чемодан. Мимо проехал мопед с развозчиком еды. Вера Семёновна спрашивала Нила, почему нельзя просто положить телефоны в ящик.

Марк встал за водой.

Когда вернулся, на экране камеры снова был пустой стул.

Нил стоял в дверях с двумя телефонами в руках.

Марк не стал ничего объяснять. Просто показал на отклю-

чёрный провод.

Нил подошёл ближе.

В свадебном зале было пусто. На столах стояли перевёрнутые бокалы, бумажные шары ещё не развесили. Две женщины расправляли скатерть. Где-то за камерой мужчина сказал.

— На шесть приборов меньше. Тут будет проход.

Одна из женщин оглянулась.

Марк узнал Аню. Она была в той же футболке, в которой только что приходила за деньгами. На шее висела сантиметровая лента.

Изображение дёрнулось. В нижнем углу появилась надпись: «ЗАПИСЬ 02».

— Она сейчас там? — спросил Нил.

Марк нашёл номер на визитке и позвонил.

Аня на экране отдала женщине край скатерти. Не потянулась к карману. Не повернула головы.

— Да, — раздалось в трубке.

— Аня, вы где?

— В машине. Нашли камеру?

Марк смотрел, как Аня на записи поправляет скатерть.

— Почти. А в зале вы сегодня были?

— С восьми утра. Там кондиционер потёк на стол. Я пока везу платье. Что-то случилось?

— Сейчас пришлю кадр. Скажите, когда это снято.

Он сделал фотографию и отправил.

Пока они ждали, Нил молча придвинул к себе блокнот.

Нарисовал прямоугольник камеры. От него две стрелки. Одну перечеркнул.

В трубке коротко пискнул поворотник.

— Это не сегодня, — сказала Аня.

— А когда?

— Не знаю. Этих скатертей у нас нет. Я хотела такие, Рома сказал, что похоже на столовую.

Марк разглядел ткань. Мелкая синяя клетка.

— Может, в другой раз?

— Я там каждую неделю. У них вообще нет клетчатых. И женщина рядом со мной кто?

Марк приблизил изображение, но камера повернулась раньше, чем лицо женщины стало видно.

Теперь она снимала окно. За стеклом висел чёрный ремень. На конце качался металлический карабин.

— Пришлите всё видео, — сказала Аня.

— Хорошо.

— И скажите уже, что происходит.

Марк посмотрел на пустой кассетный отсек и отключённое питание.

— Пока не знаю.

Аня помолчала.

— Это хотя бы звучит честно. Через час буду в зале. Если едете, поднимайтесь через служебный лифт. Главный закрывают под гостей.

Она отключилась.

Нил одобрительно кивнул.

— «Пока не знаю». Неплохое начало.

— Не привыкай.

Они досмотрели вторую запись. Никаких людей за окном больше не появилось. В конце кто-то накрыл объектив ладонью, и они слышали три коротких удара.

Пауза.

Ещё три.

Нил потянулся к корпусу. Марк перехватил его руку.

— Не трогай контакты.

— Я не контакты.

Он взял отвёртку за стержень и постучал пластиковой ручкой по прилавку. Три раза.

Марк отпустил его.

Чёрный экран чуть посветлел.

Один удар.

Нил посмотрел на Марка и снова постучал. Два раза.

Из динамика пришло два удара.

Марк медленно положил ладонь на отвёртку.

Они постояли молча.

Потом из камеры донёсся его собственный голос.

Тихий, почти неразборчивый:

— Вы уже вдвоём?

Глава 2. Правильный ответ

Нил первым отодвинулся от камеры. Не резко: отвёл руку, убрал со стола визитку, поставил стул так, чтобы до двери оставался проход.

Марк продолжал держать отвёртку.

— Кто это?

Из динамика пришло шуршание. На чёрном экране плавала светлая полоска, похожая на щель под дверью.

— Не включайте верхний свет, — сказал голос.

Марк поднял глаза на люминесцентную лампу. Она горела с утра.

— Уже включили.

— Тогда не выключайте.

Нил взял со стола блокнот.

— Удобно, — сказал он.

Полоска потухла. Камера защёлкала, пытаясь повернуть пустой механизм.

— Вы меня слышите?

Марк наклонился к микрофону.

— Да.

— Обоих? Ты и...

Динамик захлебнулся треском. По экрану пошли серые прямоугольники. Ещё секунду в них что-то двигалось, потом появился обычный синий фон с надписью об отсутствии

кассеты.

Марк выругался. Теперь, когда голос исчез, сделалось гораздо страшнее: пока они разговаривали, можно было требовать объяснений.

Нил записал что-то и подвинул блокнот.

«Какой рукой пишешь?»

— Я знаю, какой, — сказал Марк.

Нил постучал пальцем по камере.

— У него спроси. И не называй больше наши имена.

— У него мой голос.

— У навигатора голос актёра. Актёр не знает, где твой дом.

Марк хотел заметить, что именно поэтому навигаторам доверяют больше, чем актёрам, но не нашёл сил. Он сел. Сдвинул отвёртку подальше от края. На улице зазвенело велосипедное колесо. Двое школьников остановились у витрины и принялись разглядывать разобранную игровую приставку, которую дед выставил с ценником, не имея ни малейшего намерения продавать.

Один указал на них, второй засмеялся.

— Мы выглядим как люди, которым можно доверить свадьбу, — сказал Марк.

Нил взял вторую отвёртку и аккуратно закрыл ладонью объектив.

— Что ты делаешь?

— Не хочу, чтобы он нас видел.

— Он нас видит?

— Не знаю.

Марк посмотрел на него, потом нашёл крышку от банки с флюсом. К объективу она не подходила. Они сошлись на чёрном носке из коробки ветоши. Носок был чистый; Марк зачем-то счёл нужным это проверить.

Камера под тканью тихо щёлкнула.

* * *

Дед позвонил, когда они искали замену.

Он стоял где-то на ветру. За ним гремел листовой металл, и иногда голос пропадал совсем.

— Миша приходил?

— Какой?

— Который со сваркой. Он должен был блок забрать.

Марк окинул взглядом полки. Серый сварочный инвертор стоял в самом низу, под телевизором.

— Ещё нет.

— Деньги с него не бери. Я за работу взял. За плату возьми, как в тетради.

Нил остановился с коробкой в руках.

— Понял, — сказал Марк.

— И холодильник не включай через удлинитель, он греется. Ты ел?

— Да.

— Что?

Марк посмотрел на кофе Ани.

— Суп.

— Какой суп?

— Обычный.

— Суп не бывает обычный. В кастрюле или в пакетике?

— Дед, я занят.

— А я, думаешь, отдыхаю? Тут один деятель заземление к крашеному забору прикрутил. Пришли фотографию, где у тебя сварочник. Я Мише покажу, что готово.

Марк сфотографировал нижнюю полку так, чтобы в кадр не попало пустое место от камеры. Пока снимок уходил, дед сказал уже другим тоном:

— Хорошо, что занят. Только не бери работу, которую не умеешь. Сказать «не могу» дешевле, чем потом переделывать.

После звонка Нил поставил коробку на пол.

— У тебя был суп?

— Если ты сейчас полезешь проверять холодильник, я тебя уволю.

— Я здесь не работаю.

— Вот это и затрудняет воспитание персонала.

Нил открыл коробку. Внутри лежала старая цифровая камера с широким ремнём. Она принадлежала знакомому прокатчику; Нил привёз её для замены сломанного штативного гнезда.

— Снимает на карту. Аккумулятор держит час. Можно купить второй.

Марк включил аппарат. На экране появился Нил — бледный, с пылинкой на брови. Он помахал рукой, будто их представляли друг другу.

Никакого свадебного зала.

Марк чуть не рассмеялся от облегчения.

Они позвонили владельцу. Тот попросил за вечер тысячу и залог, равный половине стоимости камеры. Марк начал торговаться. Дошёл до обещания бесплатно исправить гнездо, услышал в ответ, что за исправление уже заплачено, и впервые за день не нашёл, что сказать.

Нил молча перевёл залог со своего телефона.

— Вернёшь с гонорара, — сказал он.

— Какого гонорара?

— Который ты сейчас придумаешь, чтобы я не думал, что ты просто взял у меня деньги.

Марк пощёлкал кнопками и поставил камеру на зарядку.

— Я хотел сказать спасибо.

— Скажи.

— Спасибо.

Нил кивнул без улыбки. От этого Марку стало немного хуже и немного легче одновременно.

Перед уходом они провели опыт.

Нил написал на листке «КРАСНАЯ РЫБА», показал Марку, скомкал бумагу и спрятал в карман. Потом снял носок с объектива.

Марк не удержался:

— Прекрасный научный протокол.

— Придумай лучше.

Камера молчала. Её экран без внешнего питания оставался синим, хотя по всем правилам должен был быть чёрным.

Нил простучал ритм: три, пауза, один, пауза, два.

Экран засветился не сразу. Сначала в нём показалась светлая точка; она выросла, открывая стену и угол стола. На столе стоял такой же аппарат. За ним виднелся рукав в тёмную и светлую полоску.

— Если слышишь, скажи, что я написал, — попросил Нил.

Пауза.

— Не сейчас, — ответил голос Марка. — Вам нужно в зал.

— Что на бумаге?

— Я не вижу бумагу.

Нил посмотрел на Марка.

Это был первый ответ, который не притворялся чудом. Марк почувствовал благодарность к неизвестному и сразу

рассердился на себя за неё.

— Тогда откуда у тебя свадьба? — спросил он.

— Я был там.

— Когда?

— Уже был.

— Нас там ещё не было.

Рука в полосатом рукаве закрыла половину кадра.

— Потому и говорю: не стойте перед стеклом, когда погаснет свет. И возьмите...

Звук пошёл пузырями. Нил поднёс ухо ближе. Марк схватил его за плечо, будто из динамика могло что-нибудь выпрыгнуть.

— Что взять?

— Второй...

Экран потемнел.

Друзья подождали. Нил постучал снова. Потом ещё раз, быстрее. Ничего.

Марк посмотрел на висящую под столом руку в собственном полосатом джемпере. Он любил эту вещь: издалека она делала его похожим на человека с деньгами, а вблизи недостатки ткани не так бросались в глаза.

Снимать джемпер не хотелось. Остаться в нём тоже.

Нил достал из кармана бумагу и разгладил.

— Он не знает всё.

— Но знает нас.

— Пока не доказано. Он знает, что перед камерой два че-

ловека. И видел зал. Остальное мы сами подсказали.

Марк взял с вешалки куртку.

— А голос?

— Вот голос мне и не нравится.

Они решили не разделяться, не обещать ничего неизвестному и записывать каждый разговор на телефон. Это звучало разумно. Марк даже повторил правила вслух, пока Нил убирал камеру в сумку. Между первым и вторым правилом зазвонила Аня.

Она уже была в зале. Прокатчик света не привёз один блок, официантка обожгла руку, а тётя Ромы объявила, что не сядет рядом с другой тётей Ромы, потому что та однажды продала ей больной куст смородины.

— Камера есть? — спросила Аня.

— Есть.

— Обычная?

— Проверили.

— И запись привезите. Только никому её не показывайте, ладно? Если это чей-то розыгрыш, я хочу первой поговорить с этим человеком.

Марк сказал, что они уже идут.

Вера Семёновна сидела на скамейке возле входа и читала на телефоне что-то без очков, держа его далеко перед собой. Увидев сумку, она поднялась.

— Вы мастерскую-то кому оставляете?

— Закроем на два часа.

— У вас люди с утра дверь дёргают. Всем скажу, что померли.

— Скажите, что выездной ремонт.

— Ага. Померли на выезде.

Она взяла ключи, которые Марк протянул ей раньше, чем успел подумать.

— Цветок полила. Холодильник переложила в розетку. Суп у тебя кислый, я выбросила. Поешьте там.

Марк открыл рот, но Вера Семёновна уже отвернулась к проходившей женщине с пакетом, начала спрашивать про её колено и немедленно забыла о них.

На остановке Нил раскрыл сумку, проверяя, не сдавил ли штатив объектив. Через ткань серебристый аппарат холодил пальцы. Впервые он показался ему чужой вещью: до этого камера оставалась задачей, которую предстояло решить.

— Можно не брать её, — сказал Марк.

Автобус уже поворачивал к остановке.

Нил застегнул сумку.

— Тогда мы поедem к людям, о которых нас предупредили, без единственной штуки, которая знает, что там случится.

— Ты только что говорил, что она ничего не знает.

— Я говорил: не всё.

Они вошли в автобус последними. Водитель дождался, пока Марк найдёт карту, и закрыл двери.

На задней площадке было пусто. Нил сел возле окна и по-

ложил сумку между коленями. Марк остался стоять.

Соседнее стекло отражало его с небольшой задержкой — так ему показалось в тот момент, когда автобус миновал тёмную витрину.

Он повернулся к Нилу, собираясь сказать об этом, и промолчал. Для одного дня у них уже хватало вещей, которые показались.

Глава 3. Место для Климова

В служебном лифте пахло горячим хлебом и средством для мытья полов. Нил держал штатив вертикально, упираясь резиновой ножкой в потолок. Марк прижимал к животу сумку с камерами и смотрел, как на маленьком табло сменяются этажи.

На девятом лифт остановился. Вошёл мужчина с пластмассовым ящиком. В ящике лежали десять ножей, завернутых в полотенце.

— На свадьбу? — спросил он.

Марк кивнул.

— От невесты или от жениха?

— От ремонта.

— Хорошая сторона, — сказал мужчина.

На четырнадцатом он вышел первым и придержал дверь ногой. Нил отпустил штатив, чтобы протиснуться, и тот с грохотом разъехался на три стороны.

— Профессионалы, — одобрил мужчина.

Зал оказался меньше, чем на записи. Камера снимала широкоугольным объективом, и в жизни столы стояли ближе друг к другу. Скатерти были белые. Бумажных шаров не было: под потолком висели кольца с зеленью, между ними тянулись кабели света.

Марк остановился в дверях.

Окно занимало всю дальнюю стену. Стекло было чистым и таким прозрачным, что казалось отсутствующим. За ним висело вечернее небо, крыши домов и башенный кран, положивший стрелу почти горизонтально.

На высоте четырнадцатого этажа никто не стоял.

— Я думала, вы вдвоём постарше, — сказала Аня у них за спиной.

На ней было свадебное платье, а поверх платья — расстёгнутая кофта с надписью поставщика воды. В волосах торчали невидимки. Она держала половину бутерброда и папку.

— При хорошем освещении, — сказал Марк.

Аня забрала у него сумку с обычной камерой. Проверила запись, сняла Нила, посмотрела результат.

— Вот. Человек. Просто человек.

— Обычно он сложнее, — ответил Марк.

Она не улыбнулась, но опустила плечи. Затем вынула из папки лист и показала:

— Три минуты. Запишем деду Ромы, он дома после операции. Поздравления, общий план, потом племянник доснимет что получится. Вы только покажите ему, куда нажимать.

Марк согласился. В их договорённости не было съёмки, и он успел придумать три причины отказаться, но Аня уже открывала дверь в маленькую комнату.

На диване сидел Рома и завязывал галстук по остановленному видео. На телефонном экране мужские руки всё делали понятно; в его собственных галстук превратился в узел для

подвешивания мебели.

Рома посмотрел на них, потом на сумку Марка.

— Та самая?

— Да.

— Давайте сначала посмотрим, потом я вас выгоню.

Сказано было без злости. От этого выгнать их он, казалось, мог действительно.

* * *

На большом телевизоре первая запись выглядела совсем плохо. Лица расплзались по пикселям, звук то проваливался, то возвращался. Марк в окне возник на девятнадцатой секунде.

Рома нагнулся вперёд.

Когда изображение оборвалось, он попросил повторить. Потом ещё раз. В третий раз остановил на тосте.

— Я этого не говорил.

— Пока? — спросила Аня.

— Вообще. У меня автобус не ломался. Я тогда на подмену вышел, у Лёхи ребёнок родился. И ты не единственным пассажиром была. Там человек тридцать ехало.

Аня села рядом.

— Может, ты так расскажешь. Красивее.

Рома повернул к ней голову.

— Я хотел про магазин.

Она помолчала и кивнула.

Марк почувствовал, что присутствует при разговоре, который не предназначен для него. На записи чужой Рома продолжал улыбаться, обнимая чужую Аню. Нельзя было сказать, что эти двое любили друг друга меньше. Просто сели бы здесь — и не вспомнили бы магазин.

— Почему там нет Лены? — спросила Аня.

— Где?

Она показала на женщину у торта.

— Это мама. Но волосы... Мама никогда бы так не подстриглась. А сестра должна рядом сидеть.

Марк отмотал назад. Женщина мелькнула всего на секунду, но Аня долго смотрела на остановленный кадр.

Рома встал и выключил телевизор.

— Хорошо. Допустим, это действительно не розыгрыш. Что вы предлагаете?

— Посмотреть окно, — сказал Нил.

* * *

Администратор зала звала себя Ингой и носила ключи на карабине у пояса. Она слушала историю про человека за стеклом с выражением, знакомым Марку по деду, когда тот принимал телевизор после самостоятельного ремонта.

— Снаружи технический карниз, — сказала она. — Стекло моют. Люди работают.

— Можно туда выйти?

— Вам нельзя.

— А посмотреть выход?

— Зачем?

— Чтобы не выйти случайно.

Инга перевела взгляд на Аню. Та кивнула так устало, что администратор достала ключи.

Проход оказался за кухней, возле лестницы. Невысокая металлическая дверь открывалась на площадку с кондиционерами. Вдоль фасада шла полоса решётки шириной в ступню, а выше тянулся стальной трос. За трос цепляли страховку.

Нил присел на пороге. Холодный ветер сразу пригладил ему волосы.

— Вот ремень, — сказал он.

Вспомнился чёрный конец с карабином на второй записи. Марк почувствовал, как поднимается глупая радость. Он не умел летать. Его двойник тоже. В мире сохранялось хотя бы это правило.

— Снаружи не вставайте, — сказала Инга. — Я серьёзно. Тут месяц назад парень телефон уронил. До асфальта телефон долетел, а ему теперь лечиться.

— Он упал?

— Нет, ему телефон месяц назад купили.

Инга закрыла дверь, подёргала ручку и увела их обратно. В сумке у Марка шевельнулся экран.

Он не услышал щелчка, только почувствовал локтем короткую вибрацию. Достал камеру, прикрыв корпусом от гостей.

Теперь на экране была лестница. Та самая, возле которой они стояли минуту назад. Ступени выглядели иначе: вдоль стены тянулась красная полоса, у них — зелёная. Невидимый человек поднимался, тяжело дыша. В кадр попал рукав в полосу.

— Уже началось? — спросил Нил.

На экране рука толкнула техническую дверь. Свет за нею выгорел белым.

— Сейчас погаснет, — сказал голос.

В зале мигнули лампы.

Марк вскинул голову. Рома стоял у окна, разговаривая с пожилой женщиной. Между ними сновал ребёнок с двумя воздушными шарами. Один шар терся о край стойки, поддерживавшей кольцо с зеленью.

Свет мигнул снова.

Нил побежал первым.

Марк успел увидеть, как по полу ползёт тонкий чёрный провод: ребёнок намотал его на ногу, не заметив, что тащит за собой стойку. Кольцо накренилось. Пожилая женщина подняла ладонь, думая, что оно упадёт ей на голову.

Нил подхватил край стойки плечом. Марк выдернул ребёнка из-под кольца, слишком сильно, и тот закричал.

Кто-то сказал «свет». Весь зал на секунду погрузился в

темноту.

В эту секунду из сумки раздался голос:

— Не сюда.

Зажглись аварийные лампы. Рома уже держал стойку вместе с Нилом. По белой скатерти расползлось вино из опрокинутого бокала. На запястье Нила выступила кровь: край металлического кольца срезал кожу.

Ребёнок перестал кричать, набрал воздуха и начал снова.

Марк присел перед ним.

— Ты не виноват. Я резко тебя взял. Прости.

— У меня шарик!

Один из шаров застрял у потолка. Второй лежал под столом, в луже вина.

Марк посмотрел на него. На Нила. На женщину, которую Рома усаживал на стул.

— Куплю два.

— Мне нужен этот!

Он уже начинал понимать ребёнка.

* * *

Оказалось, свет погас из-за перегрузки. Прокатчик подключил часть приборов туда, куда Инга просила не подключать, и теперь стоял у щитка с видом человека, которого предали законы физики.

Нил сидел на кухне. Аня промывала ему порез из бутыл-

ки питьевой воды. Рома ушёл успокаивать маму, ребёнка и фотографа, который снимал происшествие и теперь не понимал, разрешат ли оставить кадры.

— На записи этого не было, — сказала Аня.

Марк поставил камеру на стол.

Снова открылась лестница. Рука в полоску держала дверь. Чужой голос негромко выругался, потом произнёс:

— Ты меня не услышал. Окно, дальний стол. Поставьте туда аппарат.

— Зачем? — спросил Нил.

Марк посмотрел на него. Они же договорились ничего не обещать.

Но Аня уже вытерла его руку. Нил встал, взял камеру и отправился в зал.

Марк догнал его возле двери.

— Это может быть...

— Может, — сказал Нил. — Поставим и отойдём. Ничего не повторяем.

На дальнем столе лежали карточки гостей. Под вазой с цветами Марк нашёл пустую карточку. Фамилию на ней ещё не написали. Если поставить вазу ближе, она оказалась бы точно там, где на записи стоял стул Климова.

Он не стал её трогать.

Нил выставил камеру, раскрыл экран и повернул объектив к окну. На стекле отразилось помещение: белые скатерти, зелёные кольца, гости, делавшие вид, что ничего особен-

ного не случилось.

Экран оставался тёмным.

— У нас не такие столы, — сказал Нил. — И свет другой. Он зачем-то хочет, чтобы мы...

Марк услышал собственное дыхание — не из груди, из динамика.

Другой человек дышал им в лицо.

— На минуту, — попросил он. — Всего на минуту. Оставь его одного.

Сзади заиграла музыка. Ведущий позвал молодых к столу. Аня подняла голову, встретилась глазами с Марком и жестом велела убрать аппарат.

Марк закрыл экран.

Но не сразу.

Глава 4. Второй прибор

Свадьбу они всё-таки сняли.

Ромин племянник оказался серьёзным одиннадцатилетним человеком с неожиданно глубоким голосом. Увидев арендованную камеру, он сперва спросил разрешение проверить настройки, потом объявил, что звук с встроенного микрофона будет плохой, но для семейного архива сойдёт.

— А губку ты зачем ел? — не выдержал Марк.

Мальчик посмотрел на него с тоской.

— Это была пасхалка. Я её из бисквита сделал.

Марк передал камеру.

Нил всё время держался рядом. Под пластырем на его запястье выступало маленькое красное пятно. Он двигал рукой осторожно, однако от помощи отказывался. Только когда племянник Ромы ушёл снимать первый танец, Нил попросил принести воды.

Марк принёс два стакана и сел возле него на низкую тумбу у кухни.

— «Оставь его одного», — сказал он.

Нил кивнул.

— Я слышал.

— Про тебя?

— Не уточнил.

— Ты хочешь уточнить?

Нил покрутил стакан. В пластике остался белый след от пальца.

— Я хочу узнать, кто это. Он мог назвать нас по имени. Мог сказать хоть что-нибудь, что мы проверим. Вместо этого указывает, где поставить камеру.

— И где встать нам.

— Да.

За дверью кухни столкнулись два официанта. Один нёс пустой поднос, другой полный. Оба успели остановиться, но всё равно сказали друг другу по три обидных слова, как будто авария произошла.

Марк долго смотрел на закрывшуюся дверь.

— У него что-то не получается.

— Откуда знаешь?

— Так звучат люди, когда им должны были заплатить вчера.

Нил выдохнул, почти засмеялся и наконец отпил воды.

* * *

После девяти Рома вышел к ним с тарелкой еды и двумя коробками торта. На рубашке расплывалось пятно от вина. Галстук он снял, отчего выглядел гораздо старше и спокойнее.

— Аня велела накормить. Потом вы нам всё расскажете ещё раз. Нормально, без страшных пауз.

Он поставил тарелку на подоконник. В коридоре было прохладно.

Марк начал с продажи. Не с окна, не с голоса — с трёх с половиной тысяч, которые не собирался возвращать так скоро. Рассказал про ремонт и пустой кассетный отсек. Про то, что голос попросил поставить аппарат у стекла.

Рома не перебивал. Только спросил, снимали ли они разговоры на телефон.

Нил показал запись.

На ней голос звучал хуже, чем вживую. Отдельные согласные пропадали, а тихие слова приходилось угадывать. Но просьбу оставить кого-то одного было слышно ясно.

Рома дослушал, отдал телефон.

— В полицию с таким не пойдёшь, — сказал Марк заранее.

— Отчего? Если кто-то придёт и будет требовать эту штуку — пойдёте. А сама штука... Я понятия не имею, что с ней делать. Думаю, и вы не имеете.

Он потёр лоб.

— Аня, наверное, сейчас уже решила.

Аня решила сохранить копии.

В своей маленькой комнате она переделалась в кроссовки. Платье всё ещё было свадебным, только сзади его подхватила канцелярская прищепка, чтобы не тащить по полу. Она открыла ноутбук и создала папку с сегодняшней датой.

— Запись с камеры напрямую скопировать можете?

— Нет, — сказал Марк. — Но можно захватить сигнал.

— Тогда завтра. Сейчас всё, что есть на телефонах. Не обрезайте.

Нил передавал файлы, а Марк разглядывал стол. Десятки распечаток, список гостей с исправлениями, распоротый конверт со счётом. На краю лежала полоска синей клетчатой ткани. Та же, что была на чужой записи.

— Вы же сказали, у них нет таких скатертей.

Аня посмотрела на лоскут.

— Нет. Я образец привозила. Мама сказала, что это красиво. Рома сказал, что столовая. Выбрали белые.

Она взяла ткань и потёрла между пальцами.

— Там я могла согласиться с мамой.

Никто не спросил, кого она имела в виду под словом «там».

В ноутбуке пискнуло уведомление о передаче. Аня убрала лоскут в папку.

— Ничего не делайте без записи. И не зовите незнакомых людей к себе.

Марк хотел ответить, что им не по двенадцать, но вспомнил чек, собственное обещание найти камеру за два часа и своё место на чужой свадьбе.

— Хорошо.

— И ещё. Если этот человек начнёт говорить, что у нас случится что-нибудь ужасное, звоните мне. Не приезжайте спасать молча.

Рома, стоявший у двери, кивнул.

От неожиданной простоты этой просьбы Марк почувствовал стыд. Он уже представлял, как в следующий раз войдёт, зная то, чего никто не знает, и всё исправит. Какая бы плата ни полагалась за спасение, в его воображении она была приятной.

Аня попросила сначала позвонить.

* * *

Домой они ехали на такси: Нил уснул бы в автобусе вместе с сумкой. Марк заплатил, потом ещё несколько минут держал открытым банковское приложение, смотря на остаток.

В комнате над мастерской пахло фикусом и варёной картошкой. Вера Семёновна оставила на плите кастрюлю, накрытую крышкой от другой кастрюли. Под крышкой лежала записка: «ЭТО НЕ КИСЛОЕ».

Марк взял две вилки.

Нил сел на пол возле низкого стола. Спинка дивана мешала ему нормально устроить больную руку, и он накрыл запястье полотенцем.

Некоторое время они ели молча.

— На свадьбе было нормально, — сказал Марк.

— У тебя на всех свадьбах кто-нибудь из электроники разговаривает?

— Я про людей.

Нил кивнул.

— Да.

За стеной включили телевизор. Ведущий задавал кому-то вопрос с таким напором, будто от ответа зависела работа водопровода. Далеко внизу хлопнула дверь машины.

Марк поставил тарелку на пол.

— Может, отнести её куда-нибудь?

— Кому?

— В университет. Там... занимаются.

— В какой кабинет зайдёшь?

— Найду.

— И что скажешь? «У меня видеокамера с твоим голо-сом»? Она сейчас выключена. Включится — покажет стул. Запись на телефон можно подделать. Мы же сами сегодня полдня искали, кто нас разыгрывает.

Марк рассердился, потому что предложение успело показаться ему разумным.

— По-твоему, нам теперь жить с ней?

— Нет. По-моему, сначала надо понять, что мы можем показать кому-то ещё. Повторяемый опыт. Потом искать человека, который умеет больше нас.

Нил произнёс это спокойно, но взгляд его уже переместился к сумке. Марк видел такое выражение, когда друг придумал, как пролезть в давно закрытый бассейн, или вычислил, в какое время работники торгового центра оставляют грузовой лифт без ключа.

— Ты рад, — сказал он.

Нил не ответил сразу.

— Немного.

— У тебя рука порезана.

— Я заметил.

— И человек там просил тебя оставить.

— Я заметил и это.

Марк поднялся. Вынес тарелки, вернулся с пакетиком льда из морозилки. Прижал лёд к другу через полотенце.

— Мне не нравится, что я уже начинаю соглашаться.

Нил посмотрел на его руку.

— Тогда договоримся о простом. Сначала спрашиваем. Даже если кажется, что второй обязательно скажет нет.

Марк кивнул.

Сумку оставили в мастерской, в запирающемся металлическом шкафу. Внутри направили старую веб-камеру, подключённую к ноутбуку, чтобы записывать всё, что случится ночью. Провод вывели между дверцами. Если шкаф не захлопнуть до конца, замок всё равно держался.

Нил ночевал наверху. В половине второго Марк проснулся от тихого звука воды. Друг стоял в ванной и менял промокший пластырь.

— Болит?

— Щиплет.

Они нашли чистую марлю, перебинтовали руку. Марк удивился, насколько неловко получается то, что в кино де-

дают за несколько секунд.

Ложась обратно, он заглянул в ноутбук.

В шкафу горел экран.

Серебристая камера лежала объективом к железной стенке. Перед нею не могло быть ничего, кроме ржавого металла.

Но на маленьком экране стоял человек.

Лица не было видно — только тёмный торс и кисти рук.

Человек поднял картонку с крупными неровными буквами:

«ВТОРОЙ ПРИБОР. БЕЗ НЕГО НЕ ВЫЙДЕТ».

Марк медленно наклонил ноутбук, чтобы Нил тоже увидел.

Человек перевернул картонку.

«ТАКОЙ ЖЕ, КАК У ВАС».

Потом протянул к объективу левую руку.

На безымянном пальце было кольцо.

Глава 5. Цена неизвестного

Утром камера была мертва.

Не синяя, не показывающая стул — просто выключенная. Марк подключил зарядку и впервые за сутки увидел привычную зелёную лампочку. Без провода она тут же погасла.

— Питание оттуда, — сказал он.

Нил жевал кусок вчерашнего хлеба.

— Откуда?

— Не знаю. Когда он есть, она работает. Когда его нет — нет. Может, поле, может...

Марк оборвал себя. Из всех объяснений слово «поле» было самым удобным: оно позволяло представить, что он что-то объяснил.

Он вынул донорскую плату и сравнил со снимком, который сделал при ремонте. Обычный маленький узел, грубо отпаянный от другого аппарата. Почерневшая кромка, два контакта, белая точка краски на углу. Весь вчерашний день помещался на ногте большого пальца.

В коробке донорского оборудования оставалась ещё одна такая плата. Но разъём был обломан, и Марк отложил её.

— Имеет смысл записать, откуда дед это привёз, — сказал Нил.

На картонной коробке уцелел инвентарный номер и штамп: «Технический клуб “Горизонт”». Ниже был адрес.

Здание возле речного вокзала, где раньше учили программированию и съёмке, а теперь по вечерам играли в настольный теннис.

Марк знал его. В старших классах туда отбирали ребят на летнюю программу. Нил должен был поехать.

— Закрылись, наверное, — сказал он.

— Проверим.

Нил произнёс это без особенного выражения. Оттого Марк не понял, помнит ли друг, что именно там собирались делать с их классом четыре года назад.

* * *

Покупатель нашёлся ещё до обеда.

Это не было чудом. Марк сам написал знакомому, который скупал старую оптику, и осторожно спросил, сколько можно получить за «редкую аномалию электроники». Тот прислал смеющийся смайлик, а через двадцать минут — номер человека по имени Эдик.

Эдик не торговался по переписке. Попросил видео. Марк отправил десятисекундный отрывок с камерой без аккумулятора.

Ответ пришёл быстро:

«Сегодня могу посмотреть. Если без фокусов, 30. Если есть нормальная демонстрация, обсуждаем».

Тридцать тысяч. За аппарат, который утром казался пол-

ным несчастьем.

Марк прочитал сообщение ещё раз. В голове возникла комната из объявления: отдельная дверь, чистая кухня, окно во двор. Можно было оплатить первый месяц и вернуть в кассу то, что он уже успел потратить.

Нил в это время пошёл возвращать арендованную камеру. На столе лежал его блокнот с тремя столбцами: «Видели», «Предполагаем», «Проверили». В третьем пока было только «кассеты нет».

Марк набрал: «В четыре удобно».

Потом стёр.

Написал Нилу: «Есть человек, хочет купить. Не соглашайся пока. Придёшь к четырём?»

Отправив, он почувствовал досаду: нормальная деловая возможность внезапно превратилась в родительское собрание.

Но через минуту пришёл ответ: «Приду. Пусть сначала объяснит, что покупает».

* * *

Эдик приехал без чёрного автомобиля, охраны и непроницаемого чемодана. На нём была куртка с логотипом строительной фирмы. Из обычного рюкзака он достал мультиметр, фонарик и две шоколадки.

— Руки заняты были, решил взять, — объяснил он и по-

ложил шоколадки рядом с паяльником.

Марк почувствовал, как рушится хорошо подготовленное презрение к скупщику неизвестных технологий.

— Вы коллекционер?

— Частично. На самом деле рентгеновские аппараты обслуживаю. На вашем видео мне питание понравилось.

— А изображение?

— Изображения теперь кто угодно делает. Покажите без питания.

Марк показал.

Камера не включилась.

Эдик спокойно подождал. Проверил контакты. Ничего не трогал без спроса. Потом вынул из рюкзака тонкую металлическую коробку, предложил положить аппарат внутрь.

— Если радиосигнал,отрежем. Не полностью, но для проверки хватит.

— Мы уже роутер выключали.

Эдик посмотрел на него и сказал:

— Это не одно и то же.

Марк ощутил редкое желание, чтобы учитель физики оказался сейчас здесь и каким-нибудь образом поддержал его.

В коробке камера тоже не работала.

Через полчаса Эдик предложил пять тысяч за обе платы и корпус. Марк настолько разозлился, что стал исключительно вежлив.

— Боюсь, вы не совсем понимаете ценность предмета.

— Да. Поэтому пять. Как пойму, может, предложу больше. А может, вообще ничего.

Дверь звякнула. Вошёл Нил с пустым чехлом от арендованной камеры. Увидел коробку, рюкзак, вскрытый корпус и остановился.

— Ничего не продал, — сказал Марк.

— Вижу.

Нил подошёл, убрал с прилавка две одинаковые чёрные коробочки для наушников, которые Марк выложил из ящика, освобождая место. Поставил рядом. Одну открыл.

На экране камеры зажёгся белый прямоугольник.

Все трое замолчали.

В прямоугольнике лежала такая же коробочка.

Крышка её была откинута под тем же углом. Внутри лежал сложенный листок бумаги.

Эдик медленно достал телефон.

— Не снимайте, — сказал Марк.

— Почему?

Он не нашёл ответа. Нил уже смотрел на стол, на отражение в витрине, на угол, под которым стоял объектив. Он подвинул коробочку на сантиметр.

На экране появились помехи.

Вернул обратно.

Листок снова стал различим.

— Похоже, — сказал Нил.

Он говорил не с ними.

В динамике стукнуло.

Три. Один. Два.

Марк ответил пальцем по столу прежде, чем успел решить, стоит ли. На экране возникла левая кисть с кольцом и вынула записку.

«ОДИНАКОВАЯ КОРОБКА. СВЕТ. УГОЛ. ПОТОМ ЗАКРЫТЬ».

Эдик прочитал вслух.

— У вас там напарник?

— Да, — сказал Марк. — Не очень хороший.

Эдик улыбнулся, но улыбка быстро сошла. Он проследил за проводами, заглянул под прилавок, не касаясь ничего руками, и снова посмотрел на камеру.

Нил закрыл коробочку.

Экран потух.

— Нет, — сказал он. — Сейчас не будем.

Марк удивлённо посмотрел на него.

Нил собрал обе коробочки, положил в ящик и задвинул его. Дышал он часто.

Эдик несколько секунд стоял неподвижно. Затем убрал мультиметр.

— Пятьдесят, — сказал он.

* * *

Они не продали.

Марк долго не мог сказать это прямо. Повторял, что надо подумать, что вещь может принадлежать другому человеку, что неизвестна безопасность. Слушая себя, он понимал: деньги стали слишком настоящими, и отказываться от них тяжелее, чем соглашаться на ещё один опыт.

Эдик не давил. Оставил номер, забрал коробку. Шоколадки остались на прилавке.

Возле двери он обернулся:

— Я не понял, что увидел. Если решите разбираться, у меня есть знакомая в лаборатории измерений. Там умеют проверять питание. Не волшебники, но провода отличат.

Марк кивнул.

После его ухода Нил открыл шоколадку, отломил кусочек и долго держал, не отправляя в рот.

— Пятьдесят — хорошие деньги, — сказал он.

Марк посмотрел на друга с неожиданной благодарностью. Было бы легче, если бы Нил осудил. Тогда можно было злиться.

— Очень хорошие.

— Ты всё-таки хочешь уехать?

— Да.

Слово выскочило слишком быстро. Нил положил шоколад на стол.

— Когда?

— Когда смогу. Не завтра.

— Ты сказал бы?

Марк вспомнил объявление, перевёрнутый телефон, свой голос про погибающий фикус.

— Должен был.

Нил кивнул. Не сказал, что ничего страшного. Марк был ему за это благодарен меньше.

В ящике что-то тихо стукнуло.

Обе коробочки лежали там, где Нил оставил их. Пустые, если не считать пыли в углах. Камера снимала железную стену шкафа и больше не работала.

Стук повторился.

Это был телефон Марка. Звонил Эдик: оставил в мастерской фонарик.

Марк нашёл фонарик под чехлом и вдруг расхохотался. Смеялся долго, до боли в животе. Нил сначала смотрел на него, потом тоже начал смеяться.

Пять минут ничего невозможного с ними не происходило.

Глава 6. То, чего здесь не было

Для опыта Нил купил две коробки мятных леденцов. Одинаковые жестяные, с откидными крышками. Он утверждал, что футляры для наушников слишком разные внутри: у одного сломана перегородка.

Леденцы высыпали в кружку. Марк съел шесть штук подряд, не заметив, и теперь всё во рту холодило.

Они работали вечером, после закрытия. Ане отправили сообщение, что будут проверять передачу изображения. Она ответила только через полчаса: «Снимайте на два телефона». Потом прислала фотографию Ромы, который заснул в машине на стоянке, всё ещё держа в руке коробку свадебного декора.

Нил подготовил стол. Отметил изолентой положение ножек штатива. Снял мерки: высота камеры, расстояние до коробки, угол крышки. Рядом поставил настольную лампу.

На стене висела дедова таблица ремонта. Под ней значилось: «ПРИ ПОВТОРНОЙ НЕИСПРАВНОСТИ ПРОВЕРЬ СВОЮ РАБОТУ». Марку казалось, что сегодня надпись относилась лично к нему.

— Пять минут, — сказал он. — Если попросит что-то ещё, сначала обсуждаем.

Нил поставил таймер. Потом оба телефона. Один снимал стол, другой — экран камеры. Марк выложил мелочь из кар-

мана и выбрал десятирублёвую монету с глубокой царапиной поперёк орла.

С монетой он познакомился летом: пытался ею выкрутить сорванный винт. Ничего не вышло, кроме царапины и дедовой лекции на сорок минут.

— Узнаем, если подменят, — сказал он.

— Если это вообще подмена.

— Именно.

Нил написал на бумажке «6», положил под коробку и включил настольную лампу. Марк постучал: три, один, два.

Ответ пришёл через минуту.

Изображение другой коробки было косым, задраным вверх. Незнакомый подвинул свою камеру. Под его коробкой лежал листок с цифрой «5».

Марк поднял собственный листок к объективу.

— У нас шесть. Чтобы не путаться.

Рука на экране перевернула бумагу. Теперь там стояла шестёрка.

— Уже лучше, — сказал Нил.

Свет немного дрожал. На чужом столе виднелся край широкой деревянной панели. Сучок на ней напоминал глаз. Нил на секунду приблизил телефон, снимая рисунок дерева. Марк успел заметить и подумать, что у друга странные приоритеты, когда из динамика донеслось:

— Положите что-нибудь маленькое. Тяжёлое. Лучше металл.

— Ты слышишь нас сейчас? — спросил Марк.

— Да. Не двигайте лампу.

Голос был ближе. В паузах слышалось слабое гудение, словно по ту сторону работал холодильник.

— Назовись.

Ответа не было.

— Имя, — повторил Марк. — Хоть какое-нибудь. Я не буду разговаривать с видеокамерой на «вы».

— Лев.

Нил поднял брови, но ничего не сказал.

Марк положил монету в коробку. Лев показал им собственную: обычную, без царапины. Слева по его руке тянулся белый шрам, длинный и неровный. Кольцо зацепилось за бортик коробки; он раздражённо поправил его большим пальцем.

— По счёту, — сказал Лев. — Закрывать и держать.

— Что произойдёт?

— Посмотрим.

Нил положил ладонь на руку Марка.

— Это не ответ.

Камера затрещала, на секунду звук пропал. Голос вернулся с заметным усилием:

— Предмет может перейти. Не человек. Маленький предмет.

Марк сглотнул. Мята во рту превратилась в неприятную химическую горечь.

Они посмотрели друг на друга. Нил первым кивнул.
На счёт три крышки закрылись.
Ничего не произошло.

Марк держал пальцы на тёплой жести и слушал, как шуршит бумага под коробкой. Секунда. Две. В экран ударило белым светом, и он невольно зажмурился.

Щёлкнуло — не громче, чем лопается семечка.
Нил отдёрнул руку, хотя к коробке не прикасался.
— Открывайте, — сказал голос.

Внутри лежала монета.

Марк выдохнул. Царапины на ней не было. Он поднёс монету к лампе и повернул ребром. Год другой, поверхность новая. Разве что мята налипла на край.

На экране чужая рука держала десятку с глубокой полосой через орла.

Марк открыл рот и понял, что совершенно не знает, что сказать. Лев с той стороны тихо засмеялся. Смех был знакомым до отвращения.

— Получилось.

Нил остановил таймер. Прошло три минуты сорок секунд.

— Ещё раз? — спросил Лев.

— Нет, — сказал Марк.

Нил посмотрел на него.

— Мы же договорились. Сначала пять минут. Давайте посидим.

Неизвестный начал возражать. Марк закрыл объектив

носком и вынул провод из розетки.

Камера продолжила работать. Из-под ткани глухо донеслось:

— Пожалуйста. Не закрывай. Мне нужно...

Потом аппарат погас.

* * *

Они сидели на полу в мастерской, хотя стулья были свободны.

Нил положил новую монету между ними. Марк дотронулся до неё ногтем. Не было ни холода другой вселенной, ни какого-нибудь запаха чужой истории. Десять рублей. Если положить их в карман, через час никто не найдёт среди остальных.

— Он сказал «перейти», — произнёс Нил.

— Да.

— Обе перешли.

— Как в фокусе.

Нил покачал головой.

— В фокусе у тебя появляется чужая монета. А твоя исчезает, потому что фокуснику надо спрятать работу. Тут он нашу показал.

— Возможно, он плохой фокусник.

— Возможно.

Нил поднялся и пересмотрел запись. Сначала без звука.

Потом покадрово: он любил делать это там, где другой человек сдался бы и нажал обычное воспроизведение.

Марк пошёл за водой. Когда вернулся, Нил разложил на столе свои фотографии и снимок деревянной панели.

— У нас это была бы та же самая столешница, — сказал он. — Сучок слева, торец обломан. Дед от неё кусок отпилил ещё в мае.

В дальнем углу мастерской стоял старый стол, прикрытый картонкой. Марк сдёрнул картонку. Сучок действительно был похож. Только тёмная полоса шла по другую сторону, а рядом у их панели проходила глубокая борозда, которой у чужой не было.

— Похожая доска, — сказал он.

— Да. Но не наша через неделю. Сломанный край может обрасти шпаклёвкой. Волокна так не перестроятся.

Марк опустил на стул.

Они и раньше говорили «другая запись», «не сегодня», «не та Аня». Но будущее всё равно оставалось где-то рядом, под рукой. С ним было проще: там можно исправить свою ошибку, не совершив её.

В другой версии мира ошибка уже принадлежала кому-то ещё.

Нил повернул снимок руки.

— Он левша.

— Я могу левой взять монету.

— Можешь. Но смотри: бумагу держит правой, пишет ле-

вой, лампу переставляет левой. И часы на правой руке.

— Зеркально.

Нил ткнул в шестёрку. Потом в мелкие буквы на крышке коробки.

Они читались правильно.

* * *

Второй опыт Марк предложил сам.

У них были перерыв, два стакана воды, снятая на телефон первая попытка и возможность отказаться. По крайней мере, так он сказал Нилу, перечисляя всё по пальцам. Друг долго смотрел на коробку, потом согласился.

Связь появилась быстрее. Лев сидел ближе к камере, однако лица по-прежнему не было видно.

— Можешь передать инструкцию? — спросил Марк.

— На бумаге?

— Да. То, что знаешь. Без «потом объясню».

Лев задержался с ответом.

— Не всё получится написать.

— Начни с того, что получится.

В коробке с другой стороны теперь лежал сложенный вчетверо лист. Рядом с ним что-то блеснуло. Чужая ладонь закрыла блеск раньше, чем Марк разобрал предмет.

Они положили внутрь старую гайку и закрыли крышки.

Белая вспышка. Щелчок.

В их коробке лежал листок.

Нил осторожно развернул его, предварительно сняв на телефон. Марк взял коробку, чтобы убрать.

Под загнувшимся краем бумаги обнаружился маленький плоский ключ. На пластмассовой головке значилась буква «Г».

Марк провёл большим пальцем по бородке и подумал об адресе технического клуба. Почему-то ему не захотелось, чтобы Нил первым увидел ключ и сразу побежал выяснять, какую дверь тот откроет.

Он закрыл коробку.

— Что там написано?

Нил читал список из шести пунктов: одинаковые предметы в кадре, совпадение света, отсутствие дрожания, закрытый объём, два работающих прибора. Последний пункт был зачёркнут так густо, что бумага прорвалась.

Под списком стояло:

«НУЖЕН БОЛЬШОЙ КОНТУР. ТАМ ЕСТЬ ЛЮДИ».

Марк сжал ключ в кулаке. Он уже нарушил вчерашнюю договорённость — из-за вещи, которую не успел даже рассмотреть.

Глава 7. Горизонт

Бывший технический клуб оказался не закрыт, а разделён.

В одном крыле работал пункт выдачи, в другом — школа танцев. На втором этаже играли в теннис. Дверь между лестницей и старой видеолaborаторией забили фанерой, а поверх повесили расписание занятий по растяжке.

Марк невольно посчитал, сколько раз в день люди поднимаются мимо этой двери. Вряд ли среди них найдётся человек, которому придёт в голову, что именно отсюда могла начаться вчерашняя свадьба.

У входа сидел пожилой охранник в жилетке. Он вырезал ножницами из коробки прокладку под ножку стола. Стол качался при каждом движении, и работа не продвигалась.

— Мы к администрации, — сказал Марк.

— А она к стоматологу.

— Когда будет?

— Смотря что найдут.

Нил присел, подложил под стол сложенную визитку, проверил и вытащил. Сложил ещё раз. Стол перестал качаться.

Охранник посмотрел на него с уважением, которое за всю неделю никто не выражал их ремонту.

— Оборудование ваше спрашиваем, — объяснил Марк.

— Весной распродавали. Мы кое-что купили.

— И теперь вернуть хотите?

— Узнать, у кого оно раньше было.

Охранник встал. На двери его будки висела табличка «АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ». Ниже кто-то приклеил изображение спящего кота. Александр Петрович снял изображение, перевернул: на обороте был старый список телефонов.

— Лабораторией Захарова заведовала. Она теперь в колледже. А железо вывозил арендатор. Всё, что оставили. У вас квитанция есть?

Марк показал фотографию коробки со штампом.

Охранник прищурился.

— Хорошие были вещи. В девяностых из-за границы присылали. Потом компьютеры, потом у всех телефоны. Кому нужна камера с кассетой? Только вашим дедам.

Нил разглядывал фотографии в коридоре.

На одной стояли подростки в белых футболках, за ними — серый щит, обклеенный серебристой лентой. На другой — огромная палатка прямо в комнате. Кто-то написал фломастером: «НОЧЬ НАУКИ». Через букву «У» провели трещину, и получилось похоже на другую надпись.

Марк нашёл снимок своего класса. Нил на нём стоял у окна, обнимая коробку с роботизированной рукой. Сам Марк сидел на корточках впереди и показывал в объектив два пальца.

Подпись сообщала, что лучшие участники поедут на летнюю программу.

Марк отвернулся прежде, чем Нил дошёл до этой фотографии.

— А в помещении можно посмотреть? — спросил он.

— Сейчас нельзя. Там аренда. До конца недели занято.

— Чем?

Александр Петрович посмотрел на него так, будто этот вопрос нарушал какие-то глубинные правила охраны.

— Арендой.

* * *

Они нашли Захарову в колледже после уроков. Она была невысокой, лет пятидесяти, с большими наушниками на шее. Возле её кабинета двое студентов спорили, кому идти просить пересдать работу. Увидев Марка и Нила, оба отошли, решив, что перед ними люди с более тяжёлыми обстоятельствами.

Захарова помнила Нила.

— Арсеньев? Ты вырос.

— Стараюсь.

— Я вам в прошлом году писала про летнюю смену. Тебе.

Ответа не было.

Нил поднял брови.

— На старый адрес, наверное.

Марк посмотрел на него. Никогда не слышал, что им кто-то писал. Никогда не спрашивал.

Захарова узнала камеру по фотографии не сразу. Достала очки, увеличила снимок, потом кивнула.

— Их штук восемь было. Дарили вместе с проектором. Потом половину разобрали на детали. Если комплект целый, там шнур должен быть с переходником.

— Какие-то эксперименты с ними делали? — спросил Нил.

— Конечно. Снимали, как одна группа объясняет другой, что их фильм плохой. Повторяли ежегодно с одним результатом.

— Не со съёмкой. Передача сигнала, питание.

Захарова сняла наушники с шеи и положила на стол.

— Что случилось?

Марк рассказал. Достаточно подробно, чтобы не оставлять себе пути отступить в шутку. Она слушала спокойно. Посмотрела видеозапись опыта. Перемотала два раза, спросила, кто снимал стол с обратной стороны.

— Никто, — ответил Нил. — Там стена.

— Тогда её тоже нужно было снять. И коробку не выпускать из кадра. Но я понимаю, вы не ждали, что получится именно это.

Марк вдруг почувствовал желание рассказать всё ещё раз — уже лучше, без торопливых скачков от свадьбы к монете.

— Посмотрите сами? — спросил он.

— В пятницу могу. Раньше у меня аттестация. Только с оригиналом, без пересылок. И никуда это пока не выклады-

вайте: если окажется чьим-то фокусом, потом стыдно будет вам.

Она записала адрес мастерской, отдала им старую электронную опись клуба. Никаких секретных проектов в ней не было: камеры, лампы, штативы, сломанный принтер, два шкафа, палатка, набор микросхем.

— Палатку тоже взяли? — спросила она.

— Нет.

— Плохо. Хорошая была палатка. Я бы купила для дачи.

Марк подумал о том, как легко было представить её хранительницей ужасной тайны — и как сильно ей, вероятно, хотелось просто закончить разговор и заняться студенческими работами.

У двери она остановила Нила:

— Если адрес поменял, пришли новый. Я серьёзно говорю.

Он кивнул.

* * *

По дороге обратно они поссорились из-за обеда.

Нил хотел зайти в столовую колледжа. Марк сказал, что там дорого для макарон, и купил пирожок в ларьке. Нил съел свой обед в одиночку, пока Марк стоял на улице и смотрел расписание автобусов, будто оно могло предложить что-нибудь новое.

Пока ждал, он вынул ключ.

Головка была не заводская: её вырезали из белого пластика и обернули прозрачным скотчем. Буква «Г» была написана тем же широким маркером, которым Лев выводил указания. Под скотчем остался волос.

Марк перевернул ключ. На обороте значилось: «Б-17».

Гараж.

Никакой магической двери. Самая обычная метка, какими подписывали связки в их районе.

Нил вышел с двумя бумажными стаканами.

Марк убрал ключ в карман.

— Тебе компот, — сказал Нил. — Он бесплатный к обеду, но она дала два.

— Надо было сказать, что нас трое.

— Надо было поесть.

Они пошли к остановке. Под трамвайным мостом торговали старой техникой. Мужчина в охотничьей куртке стоял над разложенными навигаторами и повторял каждому прохожему: «На телефон надеяться нельзя». Одно устройство на его столе было включено. На экране вместо улицы двигалась синяя линия и надпись: «ВАМ БУДЕТ ЛУЧШЕ».

Нил замедлил шаг.

Марк взял его за локоть.

— У нас уже есть одно.

— Что одно?

— Неизвестно что.

Они прошли ещё два шага. Позади мужчины хлопнул навигатор ладонью, и тот сказал женским голосом:

— Развернитесь, когда сможете простить отца.

Продавец выругался и выключил устройство.

Нил остановился.

Марк почувствовал, как ключ в кармане упирается в ногу.

Он не собирался искать гараж один. Во всяком случае, когда выходил из колледжа, не собирался.

Глава 8. Собака не помещается

Миша не забрал сварочник.

Он позвонил в половине шестого и попросил привезти самому. Голос у него был тонкий, совсем не подходящий человеку, который однажды вынес из мастерской стиральную машину, держа её за обе стороны.

— Колесо снято, — объяснил он. — Не доеду.

— На другой машине.

— На какой другой, Марк? У меня одна.

Марк вспомнил гаражные ряды за мостом и осторожно спросил номер.

— Б-семнадцать? — переспросил Миша. — Нет. Тридцать второй. Первый ряд, где синий забор. С чего семнадцать?

— Перепутал.

После разговора Марк стоял над сварочником, ненавидя себя за секундное облегчение: будто если бы номер совпал, необходимость рассказать Нилу исчезла сама собой.

— Ехать надо, — сказал он.

Нил лежал на диване и смотрел в потолок. Усталость настигла его не постепенно, а сразу: минуту назад он раскладывал фотографии, теперь не мог подняться.

— Что везём?

— Сварочник.

— Нормальный?

— Надеюсь.

Они не взяли камеру. Это решение принесло обоим удовольствие, которое никто не стал объяснять.

* * *

Гаражные ряды начинались за пустырём. Наверху белела недостроенная гостиница, чьи окна с этого расстояния казались ровно наклеенными чёрными квадратиками. Из приоткрытого бокса доносилось радио, пахло краской и жареным луком.

Миша ждал снаружи.

Он был в майке, несмотря на холод. На груди темнела мокрая полоса. Увидев сварочник, он быстро подошёл, взял за ручку и поставил на землю, не занося внутрь.

— Сколько?

Марк назвал сумму за плату. Миша отсчитал наличные, ошибся, начал заново.

Из гаража донёсся тихий скрип.

— У вас колесо скрипит, — сказал Нил.

— Что?

— Внутри.

Миша поднял голову.

Скрип повторился. Тонкий, радостный. Марк вспомнил собак, которые не умели лаять и разговаривали всем телом.

— Не подходите к двери, — сказал Миша.

Он говорил очень спокойно. В руке у него мелко дрожали купюры.

Марк отступил. Нил остался на месте.

Под воротами появилась полоска серой шерсти. Сначала Марк принял её за грязную тряпку. Потом тряпка поднялась и ткнулась наружу влажной чёрной точкой.

Нос.

Под гаражной дверью, где едва проходили два пальца, просовывался собачий нос. Он вытянулся сантиметров на двадцать, как мягкий шланг, нюхнул воздух и исчез.

Нил выдохнул одно короткое слово.

Миша развернулся к воротам.

— Место!

Внутри загремело железо. Что-то тяжёлое прокатилось по бетону, ударилось в стену. Потом стало тихо.

— Идите, — сказал Миша. — Пожалуйста.

Марк повернулся к Нилу. Друг смотрел не на щель, а на Мишу. На его мокрую майку, грязные ладони, ключи, вжатые в кулак.

— Вам помощь нужна.

Миша засмеялся. Коротко, без всякой радости.

— Мне? Мне вчера помощь нужна была. Сегодня я уже всё понял.

Он нашёл её возле мусорных баков.

Маленькую, мокрую, шерстью наружу и с двумя лапами, которые вначале показались нормальными. Поднял, принёс в гараж, завернул в куртку. Накормил колбасой. Существо легло ему на колени и заснуло.

Утром куртка перестала сходиться.

— Я думал, большая собака, — объяснял Миша. — Бывают же эти... которые как медведь. Может, больная. Не соображал толком.

Он сидел на старой крышке в трёх метрах от ворот. Дверь оставалась закрыта, и голос он понижал всякий раз, когда говорил что-нибудь неприятное.

Существо выросло. К обеду — до сиденья машины, к вечеру — до самой машины. Но не прямо, как растёт обычное животное. Оно продолжало помещаться в куртку. Просто куртка натягивалась на то, что видишь, а остальное неизвестно где находилось.

— Я руку под неё сунул, — сказал Миша. — Там ещё лапа. И ещё. Не с другой стороны. С той же.

Марк машинально убрал руки в карманы.

Потом существо принесло ему ключ на двадцать четыре.

Миша похвалил. Оно принесло второй. Потом десяток гачных ключей, трещотку и домкрат из закрытого ящика. По-

том — аккумулятор с полки, до которой не могло дотянуться.

Всё это ещё можно было считать удобным.

Хуже стало, когда сосед по гаражу зашёл попросить дрель. Миша сказал, что не даст, потому что тот снова не вернёт. Сосед выругался, ушёл. Через минуту существо положило возле его ног соседский ботинок.

— С ногой? — спросил Марк.

— Нет! — Миша вскинулся. — Нет, слава богу. Ботинок. Он в нём был. Сидел снаружи, курил. Эта... оно стянуло. Через щель. Откуда я знаю как!

Он закрыл лицо руками.

Нил присел перед ним.

— Оно выполняет, чего вы хотите?

— Я хочу, чтобы оно ушло.

Под воротами скрипнуло. Серая шерсть снова показалась в щели, теперь ближе к Мише, и тут же исчезла, услышав его голос.

— Видишь? И не хочет. Я ему сказал «домой», оно залезло в машину. Там теперь двери не открываются. Всю машину заняло.

Марк подумал о работе деда, заземлении к крашеному забору и том простом прекрасном времени, когда поломка была просто поломкой.

— Звонили кому-нибудь?

— В приют. Там сказали, без фотографии не приедут. Фо-

тографию я отправил, они меня заблокировали.

Миша показал телефон.

На снимке в салоне старого универсала сидело маленькое серое животное с короткими ушами. Шерсть была не в фоксе. Всё остальное вполне могло оказаться собакой. Только салон машины почему-то изгибался внутрь неё.

— Зачем так широко снимали? — спросил Нил.

— Я обычно снимал!

* * *

Нил попросил посмотреть.

Миша отказал. Марк поддержал Мишу. Нил сказал, что хотя бы через боковую дверь, без входа, и принялся объяснять, что нужно понять, где существо действительно находится.

Он говорил с таким спокойствием, что Марк почувствовал: сейчас согласится. Прежде чем это случилось, он встал между другом и гаражом.

— Мы вчера договорились.

— Я спрашиваю.

— Он сказал нет.

Нил замолчал.

Из соседнего гаража вышел мужчина с чайником и, увидев Мишу, поднял руку.

— Забрал собаку-то? А то она мне носок на верстак при-

ташила. Я думал, ты шутики шутишь.

Миша медленно повернулся к нему.

Мужчина указал себе за спину.

Боковая дверь Б-31 была открыта. Из неё торчал серый хвост — короткий, тонкий, как у маленького щенка.

Из щели Б-32 высунулся такой же нос, какой они видели минуту назад.

Существо находилось в обоих гаражах одновременно.

Нил подошёл к открытой двери, не к Мишиной — к соседней. На секунду остановился, посмотрел на Марка и сказал:

— Только посмотрю.

Три слова, которые Марк собирался потом ненавидеть ещё долго.

За порогом Нил увидел маленькую собаку. Она стояла на бетоне возле рабочего стола, подняв уши. Зубы у неё были человеческие. Не полностью: только передние, ровные, белые, как в рекламе стоматологии.

Нил наклонил голову. Существо повторило движение.

Он протянул руку ладонью вниз.

— Не трогай! — крикнул Миша.

Внутри заскрипело.

Марк не успел понять, что именно сдвинулось. Гараж вроде бы остался прежним: стол, две покрышки, полки. Просто расстояние между Нилом и дверью стало другим.

Друг был в шаге от порога.

Потом — в трёх.

Потом там, где не мог стоять, потому что за этой стеной находился соседний бокс.

Марк схватил его за куртку.

Пальцы сомкнулись на ткани. Нил развернулся, будто Марк держал его не сзади, а сбоку. В рукаве что-то громко хрустнуло.

Животное радостно улыбнулось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.